

А. И. Алиханян

Наброски к портрету на фоне эпохи

Артемий Исаакович Алиханян был одним из основателей ядерной физики и физики элементарных частиц в Советском Союзе. Он одним из первых понял, что для развития физики частиц или, говоря языком того времени, для выяснения природы ядерных сил необходимы эксперименты с частицами высоких энергий. Для этого, в свою очередь, необходимо тесное сотрудничество экспериментаторов и теоретиков, экспериментаторы должны знать, что происходит в теории и прислушиваться к мнению теоретиков: не обязательно следовать их указаниям, но прислушиваться — обязательно, а теоретики должны знать, что происходит в эксперименте. Исходя из такой мысли, Артемий Исаакович организовал, начиная с 1957 года, серию конференций и школ по физике элементарных частиц и физике высоких энергий в Ереване, а затем на станции космических лучей в Нор-Амберде. Это было очень своевременно.

Конференций и школ подобного рода не проходило в СССР к тому времени уже почти 20 лет. За эти годы наука шагнула далеко вперёд, появилось много способной молодёжи. Но пришедшие в ядерную физику молодые люди, да и люди более старшего поколения в основном занимались атомной проблемой — вопросами, связанными с физикой ядерных реакторов и атомной бомбы. Знания новейшего развития физики элементарных частиц не хватало как теоретикам, так и экспериментаторам. Брешь заполнили конференции, а затем школы, организованные Артемием Исааковичем. Осуществлено это было с присущими ему блеском и организаторским талантом.

Самолёт, на котором летели участники первой конференции — а тогда в Ереван летали небольшие самолёты ИЛ-14 — был заполнен цветом советской физики: Мигдал, Зельдович, Гинзбург, Фейнберг, Берестецкий, Понтекорво, Чудаков, другие, которых моя память не удержала, и много молодёжи. Алиханян сам {72} встречал нас в аэропорту прямо у трапа. Нас отвезли в гостиницу, лучшую по тем временам в Ереване, разместили, и через час было то, что тогда пышно именовалось «банкет», а теперь «welcome party». Я помню, что на банкете (шёл 1957 год, время «разрядки», хрущёвской оттепели) Евгений Львович Фейнберг произнес тост «За окончание армяно-фианской резни!» (До того отношения Ереванской группы и, в первую очередь, Алиханяна, а также А. И. Алиханова, с ФИАНовской группой — Верновым, Добротиним и Зацепиным были сложными: работы по варитронам подвергались жестокой критике. После 1957 года наступила разрядка: стало ясно, что работы по варитронам ошибочны, Алиханян и Алиханов, хотя и неявно, признали это, и отношения нормализовались.)

Дальше началась конференция. Программа её была подготовлена Артемием Исааковичем — это была отличная программа, каждый из участников делился с остальными всем, что он знал, и, в свою очередь, обогащал свои знания.

Артемий Исаакович понимал, что не хлебом единым жив человек. Была организована великолепная культурная программа: поездки в Гарни, Гехард, Эчмиадзин, Джермук. Храм в Гарни тогда ещё лежал в развалинах, торчали одни лишь колонны, а капители валялись рядом. Но впечатление, тем не менее, оставлял он сильнейшее: достаточно было выйти на обрыв, почти вертикальный, высотой 300-500 м, сразу за храмом и представить себе, как с той стороны долины в древние времена появляются пришельцы, дикие народы, и их взору предстаёт храм. Яков Борисович Зельдович тоже попытался подойти к краю обрыва и взглянуть вниз, но был остановлен суровым окриком сопровождавшего его охранника: «Яков Борисович, отойдите от края!» Перед храмом Гарни, на лужайке в тени деревьев были накрыты столы с угощением, в том числе, с новым, тогда только появившимся вином «Вернашен». За столами, в такой возвышающей душу обстановке, шёл разговор о науке, рождались новые идеи. {73}

Другая запомнившаяся поездка — в Джермук. По дороге в автобусе — путь был долгим — опять разговоры о науке. Дорога пересекала погранзону. В автобус вошёл пограничник и стал проверять паспорта. Когда он двигался по приведённому выше списку, лицо его всё больше мрачнело. Дойдя до фамилии Чудакова, он сказал: «Наконец, хоть один попался!»

Из Джермука Берестецкий, Вайсенберг, Гольдман и я решили пройти пешком через Варденизский хребет на Севан. Шли мы легко одетыми: Владимир Борисович в легких тапочках и пижамных брюках, остальные тоже в обычной, нетуристской обуви. Лишь у меня были американские солдатские ботинки — так называемые «студебеккеры». Вначале дорога была прекрасной: весна, май, распускаются цветы, поют птицы. Затем стали появляться снежники, потом снег стал сплошным, по колена. Я шёл впереди, пробивая след своими ботинками, остальные шли за мной след в след.

На нашем пути оказалась текущая в снежных берегах горная речка, которую нужно было переходить вброд. Было ясно, что удовольствия мы не получим: температура воды лишь немногим выше нуля, а потом из реки мы выходим на снежное поле, где и обсушиться-то негде. Я настаивал, чтобы мы не откладывая переходили реку вброд: другого выхода не было, а перейдя реку, у нас ещё оставался шанс выйти из снежных полей, и может быть, даже дойти до Севана. И тут я вижу, что Вайсенберг идет вверх вдоль реки. Там, вверху, реку перекрывал снежный мост, из-под которого с рёвом вырывалась вода. Я понял, что Вайсенберг собирается перейти реку по снежному мосту. Это было безумно опасно: снежный мост был сильно подмыт, почти наверняка под тяжестью человека должен был обрушиться, и Вайсенбергу вряд ли удалось бы спастись. Я крикнул: «Александр Овсеевич, назад, туда нельзя!» Он продолжал идти. Крикнул ещё раз — никакого эффекта. До снежного моста ему оставалось несколько метров. И тогда, как мог, изо всех сил я покрыл его матом! {74} Это подействовало, Вайсенберг повернул назад. Я считаю, что спас ему жизнь.

Реку мы перешли по таджикскому способу, обнявшись. После реки снежные поля действительно стали редеть, и к вечеру мы вышли на сухое голое место. Нашли какую-то яму в земле, залезли в неё и прижались друг к другу. Еды у нас с собой было мало, но была бутылка коньяка. Мы выпили, немного согрелись и

стали ждать рассвета. На рассвете оказалось, что у меня снежная слепота: не могу открыть глаза, боль ужасная. Пошли дальше, я держался за Гольдмана, как слепой за поводыря. Тут выяснилось, что мы совсем немного не дошли до дороги — плохой, малоезженной, но всё-таки дороги. И последнее препятствие — дорогу преграждал крутой снежник шириной метров 10. Пересекать его нужно было траверсируя по одному. Для меня это было самое трудное — надо было держать глаза открытыми, несмотря на сильную боль и льющиеся слезы. На следующий день, придя в Басаргечар, мы позвонили Артемию Исааковичу. Он спросил: «Вы где?» — «В Басаргечаре». — «Как вы туда попали?!» Через пару часов за нами пришла машина. Позже, уже в Москве, Владимир Борисович сказал, что он никогда не чувствовал себя так хорошо, как после этого похода.

Артемию Исаакович говорил мне, что самое интересное место в Армении — это Зангезур. В следующем году мы собрались туда вчетвером — Абрикосов, Гольдман, Судаков и я. Мы решили лететь самолётом в Кафан, оттуда пройти пешком в Татев, и я договорился с Артемием Исааковичем, что он прийдёт за нами в Татев машину. Татев — одно из самых замечательных мест в Армении, здесь был первый на территории СССР университет и преподавали математику ещё в XIII веке! Всё уже было договорено, как вдруг приходит Володя Судаков и говорит, что с нами хочет отправиться Марина, воспитанница Алиханяна (потом она стала его женой), которую он, Судаков, пригласил. Мне это сильно не понравилось. Я пошёл в гараж, чтобы уточнить насчёт машины, и оказалось, что машина сломалась. Тогда я {75} пошёл к Марине и описал ей все трудности нашего пути: подъём крутой и длинный, тропа плохая, возможен дождь, тогда будет скользко и совсем трудно идти. В результате мне удалось уговорить её отказаться от своего намерения. Машину тут же починили, и мы вылетели.

Но с погодой нам действительно не повезло, и к вечеру мы пришли в Татев промокшие, грязные и голодные. Я пошёл в сельсовет, единственное место, где был телефон, звонить Алиханяну, а мои друзья остались на улице. Когда я вышел, вокруг них уже собралась толпа любопытных. В то время в Татев очень редко попадали посторонние, и появление каждого нового лица, тем более, сразу четырёх русских было целым событием. Мы были в растерянности: надвигалась ночь, шёл дождь, палатки у нас не было, где и как провести ночь, мы не знали — Татев был просто большой деревней, и никакой гостиницы в нём, конечно, не было. К тому же среди собравшихся никто не говорил по-русски. Тут к нам подходит молодой парень и на плохом русском языке приглашает переночевать у него. Мы с радостью соглашаемся. По дороге к его дому он объясняет, что служил в армии, и поэтому немного знает русский язык. Живёт он вдвоём с сестрой, дом у них бедный, но они сделают для нас всё, что смогут. Приходим в дом. Дом действительно бедный, одна комната, стол, лавки, две кровати с тюфяками, но тепло и сухо. Парень объясняет, что мы будем спать здесь, а они с сестрой устроятся где-то ещё. Тут появляется сестра — очаровательная девушка лет восемнадцати. В руках у неё таз с тёплой водой. Парень объясняет, что по древнему армянскому обычаю женщина должна вымыть ноги пришедшему в дом усталому путнику. Мы в полной растерянности: ноги у нас грязные, девушка прекрасна... Но обидеть хозяина нельзя. С большим трудом и используя всё наше дипломатическое искусство, удалось убедить хозяев нарушить обычай. Затем они

принесли еду. Еда было скудная, но было видно, что это всё, что есть у них в доме. Потом они ушли, оставив нас ночевать. {76}

Наутро пришла машина. Мы успели посмотреть Татевский собор IX века и монастырь XIII века, стоящий на четырёхсотметровом обрыве над рекой (в монастыре располагался и университет). Во дворе собора стоит удивительный памятник — восьмигранный качающийся каменный столб на шарнирном основании высотой 8 м. Достаточно прикоснуться к нему пальцем, и столб начинает качаться.

Настал момент расставаться с нашими гостеприимными хозяевами. О том, чтобы заплатить за ночлег, не могло быть и речи — это была бы смертельная обида. Неожиданно нам помог сам молодой человек: он попросил сфотографировать его с сестрой и прислать фотографии. Фотоаппарат был только у Абрикосова, и он, конечно, выполнил эту просьбу и взял адрес. Потом, в Москве, я много раз напоминал Абрикосову, что надо послать фотографии в Татев. Сначала он говорил, что ещё не проявил пленки, потом заявил, что это обычная практика — в походе обещают прислать фотографии, а потом не выполняют. Когда же я попросил дать мне плёнки и адрес, он сказал, что потерял их. Этого я никогда не мог ему простить. Я навсегда запомнил этих молодых армян, которые пронесли нетронутой в наш мир патриархальность древней Армении.

Эта обстановка, с одной стороны, рабочая и творческая, а с другой — такая, когда можно было позволить себе расслабиться в кругу друзей и коллег, были присущи всем конференциям и школам, организованным Артемием Исааковичем. Дальнейшие школы проходили на космической станции в Нор-Амберде. Большим удовольствием было отправиться на лыжах из нижней станции на прицепе за танкеткой или трактором на верхнюю и, после нескольких дней занятий наверху, спуститься на лыжах своим ходом вниз.

Хотя все школы были очень интересными и полезными (я до сих пор пользуюсь прочитанными на них лекциями), но самой интересной была школа 1965 года. Артемию Исааковичу удалось пригласить на неё М. Гелл-Манна, Л. Ледермана, Т. Д. Ли, {77} М.Шварца — настоящих (к тому времени) или будущих Нобелевских лауреатов, С. Гольдхабер, М. Штрауха и ряд других выдающихся иностранных физиков, а из советских — Померанчука, который редко ездил на школы и конференции. Эта школа стала значительным событием в нашей жизни. Конечно, тот факт, что столь выдающиеся физики согласились приехать в Ереван, был связан не только с авторитетом и обаянием Артемия Исааковича, но и с созданием в ЕрФИ электронного кольцевого ускорителя (ЭКУ).

Сооружение ЭКУ, организация коллектива работающих на нём физиков, формулирование программы экспериментов на ЭКУ и её реализация — неоспоримая заслуга Артемия Исааковича Алиханяна. При создании коллектива Артемий Исаакович совершал неординарные поступки. Он взял на работу в качестве главного теоретика по расчёту ускорителя Ю. Ф. Орлова, известного диссидента и правозащитника, бывшего сотрудника ИТЭФ, изгнанного из ИТЭФ в 1956 году и исключённого из партии решением Президиума ЦК КПСС. Алиханян прекрасно понимал, что, взяв Орлова на работу, он многим рискует:

ЕрФИ входил в то же Министерство Среднего Машиностроения, что и ИТЭФ, а Орлов, до того как он стал работать в ЕрФИ, не мог устроиться на работу нигде — ходил с волчьим билетом. Артемий Исаакович руководствовался не только деловыми, но и моральными соображениями — он хотел поддержать Орлова. В дальнейшем ему удалось добиться, чтобы Орлова за его большой вклад в сооружение ЭКУ избрали членом-корреспондентом Армянской Академии Наук. (Это звание оказалось очень полезным для Орлова. Деньги, которые он получал за это звание, некоторое время были единственным источником его существования, когда, в дальнейшем, он вновь стал подвергаться преследованиям.)

Другой, сходный, хотя, конечно, менее серьёзный случай связан с приёмом на работу в ЕрФИ физика-теоретика В. А. Хозе, который до того состоял в аспирантуре Института Ядерной {78} Физики Сибирского Отделения АН СССР. Хозе был членом народной дружины в Академгородке в Новосибирске. Однажды, проводя, как дружинник, обход, Хозе увидел молодого человека, дебоширившего в ресторане, и потребовал от него, чтобы тот отправился вместе с ним в милицию. На это молодой человек заявил, что Хозе об этом сильно пожалеет, поскольку он — зять академика Лаврентьева, президента СО АН СССР. За мужа вступилась и присутствовавшая здесь жена. Тем не менее, Хозе отвёл сановного зятя в милицию. Тут началось дело. Конечно, зятю ничего не было. Но Лаврентьев стал требовать от Будкера, директора ИЯФ СО, чтобы Хозе был исключён из аспирантуры. Теоретики (большинство из них) не хотели отдавать Хозе, поскольку он был хорошим аспирантом и они считали его правым в этой истории. Будкер некоторое время держался, но потом вызвал теоретиков и сказал: «Ваш Хозе уже мне обошёлся в 5 миллионов. Я не могу больше рисковать Институтом из-за него». Тогда теоретики обратились к Алиханяну, и тот взял Хозе на работу, хотя тоже рисковал: Лаврентьев был могущественным лицом не только в Новосибирске, но и во всей Академии и был злопамятен: он преследовал родителей Хозе ещё на протяжении многих лет. Как и в случае с Орловым, Артемию Исааковичу не пришлось пожалеть о своём решении: Хозе много сделал, работая в ЕрФИ.

23 ноября - 4 декабря 1971 года в Ереване состоялась Международная Школа по Теоретической и Экспериментальной Физике, последняя школа, которую организовал А. И. Алиханян. На этой школе была лекция А. И. Алиханяна и Ю. Ф. Орлова о проекте электрон-позитронного ускорителя на встречных пучках с полной энергией 100 ГэВ. Этот проект был очень близок к проекту будущего ускорителя LEP в ЦЕРНе (LEP тогда ещё даже не замышлялся!). Проект Алиханяна и Орлова не был осуществлён и, более того, не был даже опубликован. Причина состояла в том, что после вторжения в Чехословакию и протестов диссидентов, давление на них стало усиливаться. Орлов по-прежнему {79} числился в диссидентах, он отказался подать заявление о восстановлении в партии, открыто осуждал вторжение в Чехословакию. От Алиханяна потребовали вычеркнуть Орлова из числа авторов проекта. Он отказался, и проект был похоронен.

На Ереванской Школе 1971 года В.А.Хозе и я представили лекцию о программе экспериментов на будущем ускорителе со встречными e^+e^- -пучками с

энергиями $2 \times (50 \div 100)$ ГэВ. Фактически, это могла бы быть программа для будущего LEP. В ней, правда, не было опытов с очарованными частицами, которые тогда ещё не были открыты, и опытов по рождению Z^0 , в существование которого тогда мало кто верил (нейтральные токи были открыты в 1973 году), но в остальном, включая опыты по рождению $W^\pm$ и измерения сечений $e^+e^- \rightarrow$ адроны, — это была программа LEP. Сборник лекций Ереванской Школы не был опубликован всё по той же причине — из-за крамольной лекции Алиханяна и Орлова. Наша лекция также осталась только в виде препринта Ереванского Института ЕФИ-ТФ4 (1972) — в ней была ссылка на лекцию Алиханяна и Орлова.

Если бы проект Алиханяна и Орлова был принят, мировой центр по физике высоких энергий переместился бы в СССР. Но этого не произошло, политика в который раз задушила науку.

В 1976 году Институт Физики Высоких Энергий (ИФВЭ) выступил с предложением о сооружении в ИФВЭ ускорителя протонов со сверхпроводящими магнитами и энергией 2 ТэВ. Предложение энергично продвигал А. А. Логунов, который был тогда научным руководителем ИФВЭ, вице-президентом АН СССР, ректором МГУ, членом ЦК КПСС и т. д. В мае 1976 года в Протвино для обсуждения этого вопроса было созвано расширенное заседание Научно-Координационного Совета ИФВЭ, на которое были приглашены физики из ряда институтов. Была ясна цель заседания — одобрить предложение ИФВЭ о сооружении протонного ускорителя. Поэтому все предполагаемые участники подготовили доклады, в которых с той или иной точки зрения аргументировалась целесообразность сооружения такого {80} ускорителя и формулировалась программа возможных экспериментов.

Я тоже получил предложение участвовать в заседании. Однако, я по-прежнему считал, что самым разумным, обещающим получение важнейших научных результатов в ближайшее время и, в то же время, вполне реальным было бы сооружение ускорителя со встречными e^+e^- -пучками и полной энергией 100 ГэВ (или более), т.е. ускорителя типа, предложенного Алиханяном и Орловым. Фамилия Орлова тогда была под полным табу: хотя он был ещё на свободе, но до его ареста оставалось меньше года. Понимая, что доклад такого содержания могут не включить в программу, я озаглавил его неопределённо: «Физические процессы при энергиях порядка 100 ГэВ в системе центра масс». Председательствовать на заседании должен был А. А. Логунов, программу составлял С. С. Герштейн. Ему я сообщил название доклада. Оно не вызвало возражений, и доклад был включён в программу. По приезде в Протвино, я сказал Герштейну, о чём реально я буду говорить. Он сильно испугался: «Что ты, что ты! Анатолий Алексеевич будет очень недоволен! Тебе же нетрудно: расскажи о чём-нибудь другом». Но я отказался. Поскольку доклад был включён в программу, отменить его было уже нельзя. Однако Анатолий Алексеевич оказался умнее, чем о нём думал Герштейн. После моего доклада он сказал: «Хорошо, что на нашем совещании высказываются различные мнения». Все остальные участники поддержали проект ИФВЭ. ЦЕРН выступил с проектом LEP через пару лет, LEP был запущен в 1989 году, и на нём были сделаны

выдающиеся открытия. Ускоритель протонов на 2 ТэВ так и не был построен. Тому было много причин, но это отдельная история.

Любопытная деталь. В своём докладе на Научно-Координационном Совете (эти доклады были опубликованы в виде препринта ИФВЭ) я предложил механизм поисков хиггсовского бозона H на ускорителе со встречными e^+e^- -пучками — процесс ассоциированного рождения H и Z^0 -бозона: {81} $e^+e^- \rightarrow Z^0 + H$ — и сделал оценку его сечения. Этот процесс замечателен тем, что его эффективная константа связи велика, $\lambda \sim m_w/e$, так что сечение ассоциированного рождения большое. О своём предложении я рассказал Бьёркену, который был в Москве летом 1976 года, а Бьёркен, в свою очередь, сославшись на меня, рассказал о нём в лекции на Летней Школе СЛАК 1976 года. Осенью 1976 года В. А. Хозе и я написали обзор возможных экспериментов на встречных e^+e^- -пучках при энергии ~ 100 ГэВ, где, в частности, было рассмотрено ассоциированное рождение ZH , выпустили его в виде препринта ЛИЯФ и направили в ЭЧАЯ. В ЭЧАЯ обзор пролежал почти два года и был опубликован лишь в 1978 году. Ассоциированное рождение $H + Z$ стало основным методом поиска хиггсовского бозона на LEP. Наш препринт ЛИЯФ был мало кому известен (а тем более мой доклад в Протвино), а лекцию Бьёркена читали все. Поэтому процесс $e^+e^- \rightarrow ZH$ стали называть процессом Бьёркена, и хотя Бьёркен неоднократно указывал, что не он автор этого предложения, но ссылка на нашу работу с Хозе появилась в *Review of Particle Physics, Particle Data Group* лишь в выпуске 2002 года.

Вместе с Л. А. Арцимовичем Артемий Исаакович был одним из первых в СССР, кто стал заниматься проблемами истощения природных ресурсов, загрязнения окружающей среды. Он обсуждал эти вопросы с коллегами, снабжал их соответствующей литературой, пытался довести проблему до сведения «верхов».

Остановлюсь ещё на деятельности Артемия Исааковича в Академии Наук СССР. А. И. Алиханян был членом-корреспондентом АН СССР. В этом качестве он активно участвовал в создании Отделения Ядерной Физики АН. (Как известно, ОЯФ было создано по инициативе А. И. Алиханова и В. И. Векслера.) При выборе новых членов Отделения Артемий Исаакович настойчиво, не вступая в какие-либо компромиссы, добивался, чтобы Отделение пополнялось только физиками высочайшего класса. {82}

В Академии Наук члены-корреспонденты считаются людьми второго сорта по сравнению с действительными членами Академии Наук — академиками. Так было раньше, так есть и сейчас. В то время, когда Алиханян уже был членом-корреспондентом, в Академии Наук действовало когда-то давно установленное правило, что академики и члены-корреспонденты избираются только академиками. Артемий Исаакович и Лев Андреевич Арцимович при обсуждении вопроса о том, кто имеет право голоса при выборах членов-корреспондентов, сформулировали «зоологический принцип»: «Любое животное в мире имеет право и возможность воспроизводить себе подобных». Возражать против него было трудно, и члены-корреспонденты получили право избирать себе подобных.

Но остальное неравноправие академиков и членов-корреспондентов осталось. Артемий Исаакович чувствовал это на себе и очень хотел, чтобы его

выбрали академиком. По своим научным достижениям он безусловно этого заслуживал. Проходили выборы за выборами, а его не выбирали. Артемий Исаакович сильно переживал, настолько сильно, что это сказывалось на его здоровье — увы, он не был лишён человеческих слабостей.

Алиханяна возмущало, что члены Академии Наук находятся под надзором и мелочной опекой государственных и партийных чиновников. Временами это доходило до гротеска. Он рассказывал такой эпизод. Как-то он жил некоторое время в санатории Академии Наук «Узкое». В то время в этой санатории в основном жили пожилые или больные члены Академии, часто с жёнами. Вечером, те кто мог, собирались в общем зале, посидеть, поговорить. Но приходил массовик-затейник и начинал с присутствовавшими разучивать песню:

Академики нужны,
Да, да, да!
Для защиты всей страны,
Да, да, да! {83}

Присутствовавшие должны были подхватывать припев: «Да, да, да!» «Больше ничего им не разрешалось», — добавлял Алиханян.

Как и его брат, Артемий Исаакович не любил советскую власть. Эта нелюбовь имела глубокие корни. В 30-е годы он жил в Ленинграде в одной комнате с Л. А. Арцимовичем, Лев Андреевич оставался его близким другом всю жизнь. В 37-м году друзья старались возвращаться домой попозже, а то и поутру, в надежде, как говорил Алиханян, обмануть судьбу. Вместе с тем, понимая, в каком мире нам всем приходится жить, Артемий Исаакович был тонким политиком, умевшим лавировать среди политических течений, не поступаясь (или почти не поступаясь) принципами.

Была у Артемия Исааковича одна слабость: он поддавался на лесть. И некоторые сотрудники ЕрФИ, пользуясь этой слабостью, делали карьеру в Институте. Потом, когда положение Алиханяна как директора стало шатким, они отступились от него и перешли на сторону его противников.

Последний штрих. Именно Артемий Исаакович выбрал для ИТЭФ то здание, которое ИТЭФ занимает до сих пор (особняк с колоннами), и именно он нашёл человека (заклочённого осетина), который восстановил старинную лепнину в этом доме (и был за это досрочно освобождён).